

А. Б. Панченко

**Нация и национализм в дискурсе русской эмиграции 1920-х – 1930-х годов:
истоки и подходы**

В современном российском обществе вопросы национализма являются одними из наиболее сложных и неоднозначных. Серьезное их изучение невозможно без адекватного терминологического аппарата, отсутствие которого часто переводит дискуссии из сферы науки в область политической демагогии. Как отмечает О. А. Макарихина, «Особого внимания требуют понятия и термины социально-гуманитарных наук, роль которых в настоящее время возрастает, при этом уровень развития и методологическая оснащенность социального познания не соответствуют требованиям науки XXI века»¹. Проблемы терминологии требуют серьезного изучения, в том числе и историографического. Ожесточенные дискуссии о национализме не являются для нашей страны чем-то новым, подобная ситуация уже происходила в начале XX в. накануне и во время Первой мировой войны. В дальнейшем, в Советской России и СССР подобные дискуссии оказались под запретом, но в эмиграции, в условиях отсутствия идеологического давления со стороны государства, они активно продолжались в течение 1920-х – 1930-х годов. Анализу этих дискуссий и посвящена настоящая статья. При этом стоит отметить, что для понимания смысла споров о нации и национализме в эмиграции необходимо обратиться к их истокам.

В последние двадцать лет появилось много работ, посвященных феномену национализма вообще и национализма в Российской империи в частности. Рост числа этих исследований можно связать с распадом СССР, в результате чего многие материалы оказались доступны для европейских (особенно германских и французских) авторов. Отечественные исследователи также серьезно обратились к тематике национализма только в этот период, используя накопленный европейский опыт подобных работ, но с учетом российской специфики.

Как указывает А. Каппелер, «С одной стороны, феномены образования наций и национальных движений в царской империи вписываются в общеевропейские типологии и схемы, подтверждают их и дифференцируют... С другой стороны, становится ясным, что в царской империи обнаруживаются особенности,

¹ Макарихина О. А. История терминов в истории гуманитарной науки (на примере термина «этнос») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 146.

Панченко Алексей Борисович, ассистент Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: alexeypank@rambler.ru

© А. Б. Панченко, 2012

которые требуют расширения границ привычных моделей»¹. Однако единой общеевропейской типологии национализма не существует², что затрудняет анализ особенностей Российской империи.

Принимая нацию как «воображаемое сообщество» в трактовке Б. Андерсона, мы опираемся на выделенные К. Калхуном особенности риторики о нации, акцентуацию на: границы территории, население; целостность нации; суверенитет; «восходящее» представление о суверенитете; народную мобилизацию; прямое членство; культуру; глубину во времени; общее происхождение; особую связь с территорией³. Национальная идеология может не обладать всей совокупностью названных черт, однако основывается на этой закономерности. Выделяется три практики национализма: дискурс, проект и способ оценки⁴.

Отечественным исследователем А. Миллером было предложено при анализе националистических дискурсов Российской империи руководствоваться ситуационным подходом, когда в центре внимания оказывается цельная структура этнокультурных, этноконфессиональных, межнациональных отношений, задачей исследователя является выявление участвовавших в этом взаимодействии акторов и определение логики их поведения⁵.

В советской историографии серьезного анализа дискуссий о нации и национализме в среде русской эмиграции не проводилось, хотя национальный вопрос в программах дореволюционных партий и движений получил некоторое освещение, что было обобщено Т. Ю. Бурмистровой и В. С. Гусаковой⁶. Авторы, занимающиеся белой эмиграцией, затрагивали эту тему фрагментарно, как правило, ограничиваясь утверждениями о контрреволюционном или фашистском характере участников этих дискуссий. Стоит выделить работы В. В. Комина, В. Т. Пашуто и Л. К. Шкаренкова⁷, в которых эта тенденция проявилась наиболее ярко. Так, В. Т. Пашуто поиски национальной идеи эмигрантами приравнивались к «реваншистским» концепциям немецких авторов, назначением которых было вычеркнуть историю России из истории Европы. Однако в целом эта тема была периферийной для советских исследователей.

Современная историография основной упор делает либо на изучение на-

¹ *Каппелер А.* Образование наций и национальные движения в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* М., 2005. С. 424.

² Ср. например *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001; *Геллнер Э.* Нации и национализм. М., 1991; *Калхун К.* Национализм. М., 2006.

³ *Калхун К.* Национализм. С. 30–31.

⁴ Там же. С. 32–33.

⁵ *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. М., 2008. С. 28.

⁶ *Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905–1917 гг. М., 1976.

⁷ *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; *Пашуто В. Т.* Реваншисты – псевдоисторики России. М., 1971; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М, 1986.

ционализма и идей о сущности нации у монархических, а также фашистских движений и партий в эмиграции, либо на анализ национального вопроса у евразийского движения. Одним из первых эту тематику подняли американский исследователь У. Лакёр и немецкий автор Л. Люкс¹, связавшие идеи черносотенцев, евразийцев и русских фашистов. Наибольший интерес для отечественных исследователей представляют монархические объединения, изучению националистического дискурса которых посвящены работы Н. В. Антоненко и Ю. Н. Емельянова². Националистическую проблематику русского фашизма рассмотрел А. В. Окроков³. В обобщающих работах О. К. Антропова, О. Г. Гончаренко и М. В. Квакина⁴ значительное место уделено анализу поиска национальной идеи и деятельности националистских организаций среди эмигрантов. Попытка анализа националистической проблематики у всего спектра русской эмиграции была осуществлена в статье С. В. Онегиной⁵. Однако в ней основной упор делался на идеологическую сторону вопроса – национализм, как идея, способная сплотить всю эмиграцию. Собственно анализа теоретического содержания дискуссий о нации и национализме в эмиграции автором не проводилось. Значительно число исследований, посвященных евразийской концепции национализма и межнациональным взаимоотношениям в Евразии, среди которых можно выделить работы А. В. Антощенко и Е. В. Романовой⁶. Однако и в них терминологическому аспекту особого внимания не уделялось, равно как и дискуссиям в среде евразийцев по вопросам нации и национализма.

Националистический дискурс в Российской империи, первые концепты которого начали формироваться еще во времена Екатерины II, достиг своего апогея к первому десятилетию XX в. В 1912 г. общество готовилось отметить несколько значимых годовщин: столетие Бородинской битвы и трех-

¹ Лакёр У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М., 1994; Люкс Л. Россия между Западом и Востоком: сб. статей. М., 1993.

² Антоненко Н. В. Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск, 2007; Емельянов Ю. Н. Монархическое движение и монархические организации русской эмиграции (1920-е – середина 1930-х годов) // История и историки, 2003: Историографический вестник. М., 2003. С. 108–141.

³ Окроков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М., 2001.

⁴ Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008; Гончаренко О. Г. Белоэмигранты между звездой и свастикой. М., 2005; Квакин М. В. Между красными и белыми. Русская интеллигенция 1920 – 1930 годов в поисках Третьего пути. М., 2006.

⁵ Онегина С. В. Пореволуционные политические движения российской эмиграции в 20 – 30-е гг.: (К истории идеологии) // Отечественная история. М., 1998. № 4. С. 87–99.

⁶ Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003; Романова Е. В. Этнокультурная концепция основоположников евразийства. Барнаул, 2010.

сотлетие освобождения Москвы от поляков, готовились к трехсотлетию дома Романовых в следующем году. Были выпущены сочинения для публичных чтений по истории, объясняющих важность этих событий. Автор одного из них так писал о необходимости изучения прошлого: «Чем своевременнее и старательнее приготовятся русские люди к чествованию этих великих эпох и их выдающихся героев, тем больше будет пользы для русского народа и нашего родного государства»¹. Показательно отношение автора к изменениям в политике Александра I в годы Отечественной войны: «В эту тяжелую пору Русский Самодержец, забыв свои недавние западнические увлечения, быстро и глубоко проникся русским национальным духом и в глубине его нашел такие силы, которых не подозревал Наполеон и которые не поддаются рационалистическим исчислениям»². Именно верность национальному духу позволила одержать победу в той войне. Брошюры такой направленности издавались для рабочих курсов, с целью привить народу патриотизм и национализм.

Своего пика пропаганда русского национализма достигла в канун празднования трехсотлетия дома Романовых. Вышло множество брошюр, сборников и альбомов, призванных продемонстрировать неразрывную связь русского царя и русского народа. Авторы особо акцентировали внимание на любви государей ко всему русскому, наибольших похвал удостоились Екатерина II и Александр III. Положительно оценивалась внутренняя политика последнего: «Император Александр III стремился к тесному объединению инородческих окраин государства с государственным центром и к обрусению инородцев России»³. О Екатерине II говорилось: «мы должны отметить глубокую любовь императрицы Екатерины к России, искреннее уважение к русскому народу»⁴. Отличительной чертой было проведения знака равенства между Россией и русским народом. Задача Романовых автором обозначалась следующим образом: «возвеличить Россию, сделать ее государством богатым и сильным, а русских верноподданных граждан – людьми образованными, счастливыми... и обеспеченными материально»⁵.

Можно отметить некий парадокс – направленные на конституирование российской нации, включающей все народы империи, эти сочинения оперировали исключительно понятиями русской нации и русской империи. Русификация рассматривалась как благо, потому что делала инородцев русскими,

¹ Назаревский В. В. Великие исторические годовщины – 1612–1613 – 1812: конец смутного времени, избрание царства Михаила Фёдоровича Романова и Отечественная война. М., 1911. С. 3.

² Там же. С. 124.

³ *Государя* из дома Романовых 1613–1913. Жизнеописания царствовавших государей и очерки их царствования. Ч. 2. М., 1913. С. 365.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ *Россия и дом Романовых: к трехсотлетию русского царствующего императорского дома Романовых*. Одесса, 1912. С. 6.

полноправными гражданами империи. Публицист и общественный деятель М. О. Меньшиков по этому поводу писал: «Если инородцы желают быть вполне равными нам, русским, – пусть сделаются русскими. Если это для них противно и невозможно, то пусть и не говорят о равенстве, а займут свое скромное место сообразно с удельным весом своим и со своей политической ролью»¹.

Это говорит о стремительном развитии русского национализма, в котором выделяются два аспекта. С одной стороны, он носил оборонительный характер по отношению к национализмам инородцев западных окраин империи (польскому, финляндскому, еврейскому и т. д.). Как отмечал видный черносотенец А. И. Любинский, русский национализм «стремиться только *защитить, оборонить и охранить* интересы русской государственности, русской национальности и русской культуры от нападений и посягательств на них со стороны революционно-инородческого нашествия»². По мысли черносотенного деятеля, историка П. Н. Ардашева русский национализм оказывается слабым по сравнению с европейским, о чем свидетельствует «тот факт, что в Киеве, “матери городов русских”, оказалось нужным устроить клуб русских националистов... – этот факт есть наглядное и разительное доказательство того, до какой степени русское образованное общество отстало в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, от европейского Запада»³.

В рамках формировавшегося «инородческого национализма», следует отметить процесс создания национализмов азиатских народов. Как указывает С. Н. Абашин, до прихода русских в 1860-е – 1870-е годы этническое самосознание не было актуально для населения Средней Азии⁴. Имперскими властями была создана номенклатура, опирающаяся на «племенной признак», что в дальнейшем стимулировало появление узбекского, таджикского и других национализмов.

Дискуссии о национализме особенно обострились после начала Первой мировой войны. Еще в ходе австро-сербского конфликта в июле – августе 1914 г. русское общественное мнение выступило в поддержку славян, вновь актуализировав идеологию панславизма⁵. Разразившаяся в августе 1914 г. война, вы-

¹ Меньшиков О. М. Пунцово-розовая точка зрения // Русское пробуждение. М., 2007. С. 63.

² Любинский А. И. Русский национализм как средство борьбы с революционно-инородческим движением: Речь, произнес. в предвыбор. собр. 14 сент. 1907 г. Киев, 1907. С. 4.

³ Ардашев П. Н. Национализм на Западе: Его историческое происхождение и главнейшие моменты его развития: Лекция, чит. в Киев. клубе рус. националистов, 14 окт. 1910 г. Киев, 1911. С. 48.

⁴ Абашин С. Н. Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX – начале XX века) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М., 2004. С. 39.

⁵ См. Ваганов С. В. Австро-сербский конфликт и русское общественное мнение в период июльского кризиса 1914 года (по материалам русской печати) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 3. С. 172–176.

вела вопросы, связанные с патриотизмом и национализмом, на уровень всеобщего обсуждения. В обществе война получила наименования «Вторая Отечественная» и «Великая Отечественная»¹.

Представители российской интеллигенции активно вступили в дискуссии о национализме. Одним из их инициаторов был философ и публицист Е. Н. Трубецкой (брат первого избранного ректора Московского университета С. Н. Трубецкого и дядя одного из лидеров евразийства Н. С. Трубецкого). В 1914 г. им был выпущен сборник статей «Смысл войны»², в 1915 г. – прочитана публичная лекция «Национальный вопрос. Константинополь и Святая София»³. После этого на страницах журнала «Русское слово» развернулась дискуссия, в которой приняли участие публицист Д. Д. Муретов, экономист П. Б. Струве, философ Н. А. Бердяев, правовед Н. В. Устрялов и Е. Н. Трубецкой. По содержанию это был спор о терминах. Так, Д. Д. Муретов определял национализм как «национальный эрос», бессознательную тягу к своей нации, который не может иметь моральной оценки. Причину существующей среди части интеллигенции негативной оценки национализма он видел в том, что нарушения истинного национализма принимаются за его сущность⁴.

П. Б. Струве, развивая мысль Д. Д. Муретова, указывал, что «*эрос* неразрывно связан с *этосом*»⁵. Национализм в таком случае имеет две стороны: борьба с внешним врагом за условия существования своего народа и одновременно нравственная борьба с собственной духовной слабостью, с опасностью впасть в ложный национализм, презирующий все другие народы.

В ответном письме Е. Н. Трубецкой с одной стороны согласился с мнением П. Б. Струве (утверждая, что национализм у П. Б. Струве тождествен патриотизму у него), но с другой – высказался против близости идей П. Б. Струве и Д. Д. Муретова. Фактически, речь шла о том, что национализм – понятие исключительно отрицательное, поскольку подразумевает превознесение одной нации в ущерб другим⁶.

В дальнейшем к дискуссии присоединились Н. А. Бердяев, который призывал смотреть на национализм с исторической точки зрения, согласно ко-

¹ См. *Школьные сочинения* о Первой мировой войне // Российский Архив. Т. VI. М., 1995. С. 453.

² *Трубецкой Е. Н.* Смысл войны. Вып. 1. М., 1914.

³ *Трубецкой Е. Н.* Национальный вопрос. Константинополь и Святая София. М., 1915.

⁴ *Муретов Д. Д.* Этюды о национализме // Национализм. Полемика 1909–1917 гг. Сборник статей. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/16_p/pol/emik1.html (дата обращения 25.06.2010).

⁵ *Струве П. Б.* Блюдение себя. Нравственная основа истинного национализма // Там же. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/16_p/pol/emik2.html (дата обращения 25.06.2010).

⁶ *Трубецкой Е. Н.* Развенчание национализма // Там же. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/16_p/pol/emik2.html#2 (дата обращения 25.06.2010).

торой не бывает абсолютных понятий¹, и Н. В. Устрялов, указавший на то, что понимание национализма должно исходить из категории эстетического (а не этического или иррационального)². В ходе дискуссии не возникло общего понимания национализма, каждая из сторон осталась при своем мнении.

К 1917 г. в российском публицистическом дискурсе проявились четыре направления: «имперское» (направленное на обоснование необходимости создания единой имперской нации), «славянофильско-панславистское» (направленное на утверждение положения русского народа как лидера всех славян), «панмонгольско-туранское» (обоснование необходимости азиатской направленности российской политики) и «националистические дискурсы» (как русский, так и «иностранческие») (обоснование права той или иной нации на собственное государство или главенство в Российской империи). Часто они пересекались между собой, иногда вступали в жесткое противостояние, вопросы нации и национализма присутствовали во всех направлениях. Во многом, отсутствие общего представления о месте и судьбе России, о принципах национальной политики привело к расколу российского общества во время революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войне.

В ходе Гражданской войны (1918–1920 гг.) пределы России оставили около двух миллионов человек (данные на 1921 г.)³. Большая часть эмигрантов осела в Германии (500 тыс. чел.), Франции (400 тыс.), Китае (400 тыс.), Польше (350 тыс.), Чехословакии (25 тыс.)⁴. Крупнейшими центрами эмиграции были Прага, Харбин, Париж и Берлин. Франция стала политическим и религиозно-философским центром эмиграции; Чехословакия – научным, Швейцария – дипломатическим, Германия, Польша, Болгария, Сербия – военными, Англия и США – финансовыми.

В истории самоорганизации эмиграции условно выделено четыре периода: 1920–1927 гг. – создание первых эмигрантских объединений, учитывающих возможность скорого возвращения на родину; 1927–1931 гг. – их распад; 1930–1937 гг. – создание «пореволюционных» эмигрантских объединений (под которыми понимались организации, возникшие после революции, опирающиеся на новые идеологии, в отличие от объединений предшествующего периода, которые представляли собой воссозданные в эмиграции дореволюционные партии и движения), в основном молодежных; 1937–1940 гг. – их упадок.

¹ Бердяев Н. А. К спору между кн. Е. Н. Трубецким и Д. Д. Муретовым // Там же. URL: http://www.krotov.info/library/02_b/berdyaev/1916_251.html (дата обращения 25.06.2010).

² Устрялов Н. В. К вопросу о сущности «национализма» // Там же. URL: http://www.krotov.info/lib_sec/16_p/pol/emik4.html (дата обращения 25.06.2010).

³ См. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. С. 22–23.

⁴ Кудинов О. А. Конституционные проекты Белого движения и конституционно-правовые теории российской белоэмиграции (1918 – 1940-е гг.), или За что их расстреливали и депортировали (для тех, кто хочет понять смысл права). М., 2006. С. 27.

Гражданская война в значительной мере деактуализировала дискуссии о нации и национализме. В Советской России они были насильственно свернуты властью, а перед эмигрантами встали более актуальные вопросы. На первое место вышли проблемы выживания в условиях бегства из России. Для этого с 1920 г. началось организационное оформление русской эмиграции, шедшее по нескольким направлениям: в форме политических движений и партий, в виде объединений ученых и деятелей искусства, военных и полумилитарных организаций.

В среде эмиграции не было единства. Выделялись непримиримые противники советского строя, готовые ради его свержения на союзы с любыми силами. Другие стремились вернуться в Россию и пойти на сотрудничество с установившимся там режимом (только в 1921 г. в Россию вернулось более 120 тыс. чел.¹). Представители обоих направлений сходились в своем желании остаться русскими. Незначительную часть эмиграции составляли люди, готовые отказаться от своей идентичности, и пытавшиеся интегрироваться в европейские сообщества.

Первый период существования эмигрантских объединений характеризуется ожиданиями ближайшего падения большевистского режима. Следствием этого является стремление подготовиться к возвращению в Россию и проведению там преобразований на основе своих взглядов. В 1920 г. в Париже чехословацким политиком (премьер-министром в 1918–1919 гг.) К. П. Крамаржем был опубликован проект «Основ Конституции Российского Государства» (в 1921 г. он был перепечатан И. В. Гессеном в I томе «Архива Русской революции»), который начал обсуждаться рядом политических деятелей (Г. Е. Львовым, П. Б. Струве, П. И. Новгородцевым, Б. В. Савинковым и др.) еще в России. Во многом этот проект повторял идеи Временного Правительства и Учредительного собрания. Этот текст был только одним из многих ему подобных, которые возникали в среде белого движения. Несмотря на то, что будущее государственное устройство России виделось авторам проектов по-разному (от унитарной монархии до конфедеративной республики), их роднило ожидание падения власти большевиков, что позволило бы приступить к их реализации. Перед глазами авторов этих проектов стоял пример Дальневосточной республики (ДВР), образованной в Верхнеудинске в 1920 г. В этом государстве был проведен ряд демократических преобразований, оно было признано как Советской Россией, так и Японией, что позволяло эмигрантам надеяться на возвращение на родину.

Большая часть эмигрантов нарочито отказывается от обсуждения вопросов нации и национализма. Либеральные объединения (Партия народной

¹ *Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы.* URL: <http://rus-sky.com/history/library/emigration/emigration2.htm> (дата обращения 11.05.10).

свободы и Республиканско-демократическое объединение, возглавляемые П. Н. Милоковым) считали национализм противоречащим общечеловеческим ценностям, подобно большевизму и фашизму, а потому считали его явлением однозначно негативным, которое надо преодолеть, а не обсуждать. Основной тематикой либерального дискурса становится обсуждение грядущего государственного устройства России на основе демократии и права.

Правые организации (Российский общевойинский союз – РОВС, Российская фашистская организация), напротив, считали его неотъемлемой частью здорового государства. Однако для них приоритетными были дискуссии о роли монархии, тогда как национализм воспринимался в духе теории «официальной народности». Для правых основной тематикой также становится проблема грядущего государственного устройства, а также методов вооруженной борьбы с большевизмом.

Исключением стали «пореволюционные» дискурсы: евразийский, в рамках которого еще с 1921 г. начала изучаться проблема разных видов национализма, к 1927 г. принявшая форму рассуждения об «общеевразийском национализме»; и сменовеховский (национал-большевистский, лидером которого был Н. В. Устрялов), исходивший из неизбежности перерождения большевизма из интернациональной в национальную идеологию.

Евразийцы выделяли два типа национализма: истинный и ложный (или праведный и греховный). Истинный национализм – это стремление к самопознанию своей культуры и особенностей своего народа, тогда как ложный основывается на политических пристрастиях отдельных групп народной личности. Было выделено три вида ложного национализма: желание походить на ведущие европейские народы; воинствующий шовинизм; культурный консерватизм. В результате анализа был сделан вывод, что все виды русского национализма, существовавшие в дореволюционной России (великодержавный, западнический, славянофильский) были ложными¹. Истинным же национализмом для России может быть только общеевразийский или евразийство, под которым понималось благо всех народов ее населяющих².

Евразийцы, подводя итог многолетним дискуссиям о народе, народности, нации и национализме, попытались преодолеть существующую двойственность трактовок: разделение народа как культурной характеристики и нации как политической. Ими было введено понятие «симфонической личности», в котором обе эти характеристики должны были неразрывно соединиться. Определяющую роль в евразийском понимании народа играли не столько какая-то культурная или политическая характеристика, сколько связи между людьми, а также людей с окружающей средой. Наличие связей между лич-

¹ Трубецкой Н. С. Об истинном и ложном национализме // Наследие Чингисхана. М., 2007. С. 162–177.

² Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Там же. С. 587–601.

ностью и ее окружением (социальным и природным) является необходимым условием для появления симфонической личности. Поскольку такие связи существуют постоянно и не зависят от желания личности, можно говорить, что симфонические личности существуют объективно и перманентно. Национализм в таком случае становится нормальной реакцией народа, стремящегося сохранить свою индивидуальность.

Национал-большевизм изначально исходил из идеологического понимания национализма. Н. В. Устрялов еще в 1920–1921 гг. указывал на национальный характер российской революции 1917 г., говоря о существовании различий между интернациональным коммунизмом и национальным большевизмом¹. Он исходил из изменчивости национального характера, который в разные эпохи может принимать различные формы. В настоящее время такой формой является большевизм, который, несмотря на все свои недостатки, является порождением русской культуры и отражает содержание русской души. Даже интернационализм коммунизма имеет свои истоки в идее о «всечеловечности», высказываемой Ф. М. Достоевским и В. С. Соловьевым. В своей трактовке содержания понятия «нация» он присоединился к современной ему государственной теории, понимая ее как историко-социальное образование, для рождения которого важнейшими факторами являются условия территориального порядка². Здесь можно провести определенные параллели с немецкими авторами (Ф. Ратцелем, К. Хаусхофером), трактующие нацию через понятия «крови» и «почвы».

Распад первых эмигрантских объединений в течение второго периода не способствовал развитию дискурса о нации и национализме. Ситуация начала меняться с началом третьего периода. С 1930 г. начали появляться эмигрантские организации второй волны, так называемых «пореволюционные» объединения. Хотя первое из таких объединений – «младороссы» появилось в 1923 г., однако до начала 1930-х гг. оно было молодежной организацией «банального правого толка»³, лишь после эволюционировав в сторону «пореволюционного». В 1930 г. был создан Национальный союз русской молодежи («нацмалычики»), близкий по взглядам с РОВС. В следующем году на основе Российской фашистской организации была создана Русская фашистская партия. Тогда же практически одновременно появились группы «утвержденных» (национал-максималистов, объединившихся вокруг журнала «Утверждения») и «новоградцев» (группа философов, объединившаяся во-

¹ Устрялов Н. В. Два страха // Национал-большевизм. М., 2003. С. 88–93; *Он же*. Национал-большевизм (ответ П. Б. Струве) // Там же. С. 156–163.

² Устрялов Н. В. Логика национализма // Там же. С. 96–97.

³ *Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы*. URL: <http://rus-sky.com/history/library/emigration/emigration3.htm> (дата обращения 11.05.10).

круг журнала «Новый град»). За исключением последнего объединения, все эти группы имели ярко выраженный националистический или даже фашистский характер. Вообще этот период правомочно назвать периодом «фашизации» русской эмиграции.

Причиной этого стало торжество фашизма и национализма в Европе. Приход к власти в Германии в 1933 г. НСДАП, мятеж генерала Ф. Франко против республиканского правительства в Испании в 1936 г., захват фашистской Италией Эфиопии в 1935–1936 гг., агрессия Японии против Китая в 1937 г. – все эти события свидетельствовали о несостоятельности демократических государств и силе тоталитарных. Успехи СССР в развитии экономики и окончательное признание его на мировой арене в очередной раз опровергли ожидания падения большевистского режима.

Не остались в стороне от этого процесса и старые эмигрантские объединения: монархические, либерально-демократические, а также евразийцы. В записных книжках П. Н. Милокова отчетливо прослеживается стремление оправдания национализма, признание большевиков национальной партией¹. Правда в своих рассуждениях он исходил из того, что поворот большевиков к национализму бы вызван личными амбициями Сталина, который хотел занять место в пантеоне национальных героев. В своей последней работе, которая была опубликована уже после его смерти в 1943 г. вновь подчеркивался национальный характер нынешней российской власти. Там же указывалось на отличительную черту нации – осознание себя в столетиях общей исторической жизни, складывание традиций и постановка перед собой неких задач².

Один из главных идеологов монархизма И. А. Ильин в 1937 г. предложил проект «Основ государственного устройства», основанный на идеях национализма³. Среди прочего там отмечалось, что «Понятия свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии и т. д. понимались доселе формально, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от национальной души и национальной проблематики»⁴. Соответственно ставился вопрос о том, что именно национальные особенности, в частности психологические черты, должны приниматься во внимание при выработке проекта будущего государственного строя России.

¹ Милоков П. Н. Из записных книжек 1936–1937 гг. // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. URL: <http://rus-sky.com/history/library/emigration/emigration4.htm> (дата обращения 11.05.10).

² Милоков П. Н. Положение накануне войны // Вандалковская М. Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М., 2009. С. 411.

³ Ильин И. А. Основы государственного устройства // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы. URL: <http://rus-sky.com/history/library/emigration/emigration1.htm> (дата обращения 11.05.10).

⁴ Там же.

Евразийцами в 1933 г. был выпущен сборник «Новая эпоха: Идеократия. Политика. Экономика», посвященный проблеме устройства государства на основе истинной идеократии – государственного устройства, при котором принципом отбора правящей верхушке является верность национальной идее (хотя евразийцы выступали резко против фашизма и национал-социализма).

Темы нации и национализма начинают подниматься на страницах изданий либерально-демократической направленности – журналов «Русские записки» (издавались в 1937–1939 гг.) и «Современные записки» (издавались в 1920–1940 гг.); в религиозно-философском журнале «Путь» (издавался в 1925–1940 гг.); журналах пореволюционных групп «Новый град» (издавался в 1931–1939 гг.), «Третья Россия» (издавался в 1932–1939 гг.), «Утверждения» (издавался в 1931–1932 гг.). В изданиях русских фашистских организаций журналах «Клич» (издавался в 1933–1939 гг.), «Нация» (издавался 1932–1943 гг.), отдельных брошюрах национальный вопрос занимал главенствующую позицию.

Можно выделить несколько направлений в характеристике и оценке национализма в среде русской эмиграции 1930-х гг. С одной стороны продолжалось отрицание национализма как «идолопоклонства», мешающего осознать единство человечества (под эгидой либо демократии, либо христианства)¹. Представителями этого направления были, как правило, последователи философских идей В. С. Соловьева, религиозные философы русского зарубежья.

Второе направление характеризовало национализм как явление, в целом, позитивное, однако его искажения приводят либо к пренебрежению единством в лоне Церкви², либо к недостаточной экономической и политической интеграции³. К этому направлению принадлежали представители умеренной либеральной интеллигенции, которые, будучи, безусловно, патриотами своей Родины, стремились к интеграции России в европейской социокультурное и политико-экономическое пространство. Этих людей можно условно обозначить как нео-западников.

Третье направление, представленное сторонниками «третьего пути», исходило из того, что проблема единого человечества с необходимостью влечет за собой появление проблемы нации. Человечество невозможно без наций, его составляющих, а национализм должен стать опорой для универсализма. Национальное одновременно является и вселенским, а только во

¹ Бердяев Н. А. О современном национализме // Русские записки. 1938. № 3. С. 230–238.

² Карташев А. В. Церковь и национальность // Путь. 1934. № 44. С. 3–14.

³ Юрьевский Е. Национальное и мировое в послевоенных перспективах // Современные записки. 1940. № 70. С. 235–248.

вселенном может существовать национальное¹. Представители этого направления могут быть условно названы нео-славянофилами.

Четвертое направление (русский фашизм) провозглашала нацию и национализм основой существования любого государства. Возрождение России виделось только как национальное, через принципы идейного отбора нации. Задача нации – служить благу государства, ради которого и происходит отбор лучших элементов в народной среде. Новым лозунгом, который должен был заменить уваровскую триаду, русские фашисты провозгласили «Бог, Нация и Труд»². Отличительной чертой русского фашизма стал его упор на роль Православия в существовании русской нации. Но было бы неверно считать русских фашистов последователями дореволюционных черносотенцев. Несмотря на существование определенного сходства во взглядах, русский фашизм стал порождением совершенно иных условий. Для черносотенцев было немыслимым под любым видом бороться со своей страной (чем не брезговали фашисты), а самодержавие в их дискурсе занимало не менее значимое место, чем Православие.

Отдельно можно выделить «инородческое» направление, представленное, в основном, украинскими националистами. Их взгляды в этой статье не рассматриваются в силу того, что их носители принципиально дистанцировались от русской эмиграции. Достаточно полно взгляды украинских эмигрантов на нацию и национализм разбираются в монографии О. В. Богуславского, посвященной дискуссиям в эмигрантской украинской прессе³.

Евразийство заняло промежуточное положение между третьим и четвертым направлениями. С одной стороны, они выступали против подчинения нации интересам государства, но с другой – говорили о существовании и необходимости национального отбора. Резко выступая против шовинизма в нацизме и фашизме, евразийцы продолжали отстаивать идею общеевразийского национализма как идеи, объединяющей несколько народов, связанных общей судьбой.

Подводя итог можно выделить два периода в дискурсе русской эмиграции, посвященной проблемам нации и национализма. Первый, 1920–1929 гг. характеризовался игнорированием большей частью эмигрантов этого вопроса. Исключением стали дискурсы евразийцев и национал-большевиков, которые развивались вокруг понятия «национализм». Второй период, 1930–1939 гг., стал

¹ *И Нация и человечество // Третья Россия. 1936. № 7. С. 19–22; Булгаков С. Н. Нация и человечество // Новый град. 1934. № 8. С. 28–38.*

² *Северский С. Путь нашего национального возрождения // Клич. 1936. № 17. С. 9–13; Вериста. Основные начала русского фашизма. Тезисы русского фашиста. Брюссель, 1938.*

³ *Богуславський О. В. Преса міжвоєнної еміграції і боротьба за незалежність України: історичний шлях, досвід, дискусії. Запоріжжя, 2008.*

временем резкого повышения интереса к вопросам национализма. Это было вызвано ростом влияния национал-социализма и фашизма в Европе, а также поворотом в политике СССР от интернационализма к охране национальных интересов. Но при этом понятие «нация» практически никем не определялось. Единственным исключением стал дискурс евразийства, в котором нация рассматривалась через понятие «симфоническая личность». От евразийцев это определение частично вошло в дискурс русского фашизма. После выхода из движения бывший евразиец барон А. В. Меллер-Закомельский, основатель русской фашистской ячейки в Берлине, писал в 1933 г.: «Нация, народ, племя – как симфонические личности – обладают и душой и телом. Связь между духом и кровью, между идеей нации и ее расой – одна из данных жизни»¹. Таким образом, можно утверждать, что именно евразийцы в наибольшей степени разработали проблему нации и национализма в среде русской эмиграции в 1920-е – 1930-е годы.

За 20–25 лет, прошедшие с первого десятилетия XX в., существенно меняется характер дискурсов о нации и национализме. Все прежние направления как бы распадаются на структурные элементы, которые в разных комбинациях входят в дискурсы русской эмиграции. Например, имперский дискурс нашел свое отражение как в сочинениях евразийцев, так и у монархистов и фашистов. Славянофильско-панславистский дискурс в некотором роде остался у правых движений, но по большей части исчерпал себя, равно как и панмонгольско-туранский, отдельные элементы которого вошли в дискурс евразийства. Зато бурно расцвели националистические дискурсы, скатившиеся к прямому шовинизму у русских фашистов или украинских националистов. При этом терминологический аспект дискуссий (в отличие от 1916–1917 гг.) отошел на второй план, а первое место занял вопрос анализа советской власти либо как национальной (у национал-большевиков, П. Н. Милукова, отчасти у евразийцев), либо как антинациональной (у правых и фашистов).

¹ *Письмо* А. В. Меллер-Закомельского П. Н. Савицкому от 30 июня 1934 года // Соболев А. В. О русской философии. СПб., 2008. С. 228.